

Виктор Топоров

СЛАВА И ДЕЛО

К 70-летию со дня рождения Валентина Пикуля

ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ — человек-легенда, но легенда эта двусмысленна. Знаменитый писатель, в расцвете славы окруженный полным забвением. Чемпион тиражей, презрительно окрещенных «макулатурными». Любимец массового читателя, тайный любимец интеллигентного и объект иронии элитарного. Русский Дрюон, может быть, русский Дюма; советский Алданов; страшно сказать, — разрешенный Солженицын. Человек, заставивший народ обратиться к отечественной истории, но профессиональными историками высмеянный и многожды уличенный в невежестве. Писатель-патриот в стране, в которой любая власть относится к патриотизму с самоубийственным недоверием. Писатель-трудолюб, один за другим выдававший на-гора пухлые тома неряшливой полужурналистики, в которой знатоки отказывались видеть прозу, но которая была тем не менее прозой. Человек, подростком сбежавший на фронт и проживший затем всю жизнь нелюбимым, домоседом, добровольным изгоем. Герой одного-единственного литературного скандала, но великого множества слухов. В святцы современной словесности не входящий ни при каком раскладе — вот только издают его по-прежнему массово, но только в твердом переплете — как классика. И если правы наши либералы в вопросе о регулирующей руке рынка, то рынок голосует за Пикуля.

Валентин Саввич Пикуль родился в Ленинграде 13 июля 1928 г. в семье интеллигентов первого поколения. Отец его был инженером-корабелщиком, то есть в годы войны имел «бронь», однако ушел добровольцем в морскую пехоту и в звании батальонного комиссара погиб под Сталинградом. Из Архангельска, куда эвакуировалась семья, 13-летний (!) Валентин убежал в школу юнг. В день зачисления ему исполнилось 14. Провоевал на Северном флоте до Победы.

Демобилизовавшись в семнадцать лет, приехал в Ленинград и целиком предался охватившей его страсти к литературному творчеству. Моя и многих литературная наставница — питерская поэтесса Н.О. Грудинина, ныне восьмидесятилетняя (заступавшаяся, а точнее, яростно вступавшая в бой с властями и за Бродского, и за Эткинда, и за людей, далеко не столь именитых, а то и попросту неизвестных), — помогла и юному Пикуль: в трудные послевоенные годы начинающий писатель бесплатно столовался у нее, сперва сочиняя, а потом мучительно пробивая в печать двухтомный «Океанский патруль» — произведение, которое сам он позднее сочтет юношеским и хотя бы поэту несовершеннолетним, но тем не менее ставшее, возможно, его главным шедевром. Так или иначе, в 1954 г. «Океанский патруль» увидел свет, двадцатипятилетний Пикуль был принят в Союз писателей. Даже по тогдашним меркам это было ранним успехом и ранней славой.

Советские писатели-баталисты (или военные маринисты), оседлав тему войны, уже, как правило, не слезали с нее десятилетиями. Пикуль пошел в этом отношении «американским» путем: отстрелявшись романом о войне (как Норман Мейлер, Джеймс Джонс, да и многие другие) и обратиться к иной тематике. Для Пикуля такой тематикой навсегда стала отечественная история. Напомню, что, кроме начальной школы и школы юнг, формального образования он не получил. И хотя самоучкой освоил впоследствии колоссальные пласты исторической и специальной литературы, отсутствие формального образования не могло не сказаться. В случае с Пикулем это дало о себе знать в одном отношении: он так и не научился критически работать с источниками.

Однако нет худа без добра. Не пройдя курса истории по Емельяну Ярославскому и его маститым последователям, Пикуль оказался тем

самым извлекшим и от концептуальной зашоренности, которую предлагала и внедряла официальная историческая наука. Он был советским писателем-соцреалистом и, безусловно, советским человеком, но никак не более того. Патриотизм — как любовь к русской славе, русскому оружию, русских побед, но и как жгучая ненависть ко всем и всяческим врагам России, подлинным или мнимым, — стал ключом, которым начинающий исторический писатель принялся отпирать старинные кладовые. Патриотизм не столько последнее прибежище негоды, сколько стопроцентное лекарство против объективности, и Пикуль (с годами все откровеннее) принялся раскладывать исторические пасьянсы в желательном порядке, где малость подтасовывая колоду, где и просто перердывая, — благо документально подтвержденных свидетельств имелось великое множество, все они друг дружке противоречили, а критически работать с документами он не умел, да, пожалуй, и не хотел. В этом отношении его уместно сравнить с другим сверхпопулярным писателем недавних времен — Юлианом Семеновым, для которого любой факт был всего лишь «информацией к размышлению», и всегда имелась под рукой информация прямо противоположная по смыслу. Ключевой концепцией в творчестве Пикуля стали слова Александра III: «У России друзей нет. Да ей и не нужно». С доктринной осажденной крепости, которую исповедовали кремлевские старцы, пока у двух последних из них ближе к шестидесяти не отшибло ум, это рифмовалось, но неточной рифмой, — прежде всего потому, что Пикуль писал многое из того, что подразумевалось, но не произносилось вслух, да и пролетарским (и никаким другим) интернационализмом в его произведениях не пахло.

Успех Пикуля зиждился на читательском невежестве в вопросах истории. А с какого-то времени и на всеобщем интересе к истории, но пробуждение этого интереса — заслуга уже самого Пикуля. Других исторических писателей 60–80-х годов — вплоть до экономиста Николая Шмелева с его горемычным и явно убудочным «Сильвестром» — интересовали в первую очередь исторические аллюзии на современность, эзопов язык, кукши в кармане. И покойных Юрия Трифонова, и Натана Эйдельмана, и Булата Окуджаву, и, допустим, Юрия Давыдова. Читая у этих (и у других исторических) писателей об агентах охраны, мы, разумеется, гадали, что речь идет о родной гзбухе. Декабристы (о, сколько же вздора написано в годы застоя про декабристов!) служили нам, малодушным интеллигентам, делегировавшим на Красную площадь одну Горбаневскую, вечным укором. Декабристам в их идеальной ипостаси прощались даже (а вернее, игнорировались) их явная юдофобия.

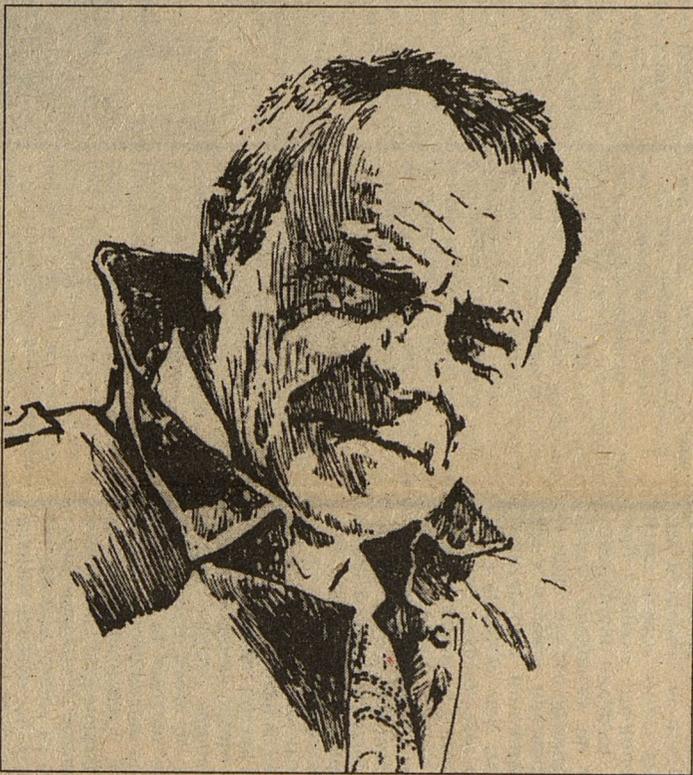
Один из тогдашних и нынешних исследователей декабризма, редактор «Звезды» Яков Гордин недавно опубликовал у себя в журнале план Пестеля по замирению Кавказа: разделить кавказские народы на мирные и воинственные; мирные покорить, а воинственные выселить и растворить в Сибири и Средней Азии. Похоже, Иосиф Виссарионович ознакомился с этим планом задолго до Якова Аркадьевича. В меньшей мере — и по той же причине — мы идеализировали и народовольцев, сами не бросая никаких бомб. В Пушкине ценили своеоблюбие, а Николая I ненавидели как его гонителя и возможного убийцу. Убийцу не только Пушкина, но и Лермонтова. Опальные шестидесятники успевали перед отбытием за бугор (непрерменно в каждом случае вынужденным) тиснуть по паре-тройке романов в политиздатовской серии «Пламенные революционеры»,

славившейся непомерно щедрыми гонорами. Евтушенко сочинял стихи, а Окуджаву пел песенки «про царей» — и Всеволод Кочетов в знаменитом антиингилистическом романе утверждал, будто они делают это по прямому заданию ЦРУ.

На фоне аллюзионной лжи; полу- и четверть правды, выдаваемой на-гора приспособленцами из либерального лагеря, романы Пикуля со всеми своими натяжками и подтасовками отличались честностью и уже в силу этой честности антисоветскостью, искомой и с неизменным успехом имитируемой писателями-либералами. Массовый читатель интуитивно чувствовал это, хотя, понятно, не только это. Патриотизм и, если угодно, пангеоизм, авантюризм исторической фабулы (чаще всего в соответствии с фактами, иногда вопреки им, но всегда — с пережимом),

самое время с переездом в Ригу Пикуль принялся переписывать десятками страниц (разумеется, с противоположным знаком) исторические романы либерала и западника, наконец, еврея Марка Алданова. И даже в отрыве от чисто текстуральных совпадений алдановская стилистика и писательская техника начали проступать в творчестве Пикуля. Разумеется, речь не о плагиате: исторические романы Алданова компилятивны и сами по себе. Гипотеза такова: архив то ли был, то ли не был, а вот Алданова Пикуль, перебравшись в Ригу, прочел и многое у него перенял. Хотя главное — формулу успеха исторического романиста — разработал, несомненно, раньше и совершенно самостоятельно.

Вопрос о «разрешенном Солженицыне» напрямую связан с публикацией романа «У последней черты», ставшей в судьбе писателя пе-

Валентин Пикуль.

ранные или кровавые детали, персонажи знаменитые и безвестные, а то и фиктивные, — все это преподносилось писателем в одном флаконе и, естественно, пользовалось ажитажным спросом. Русский Дрюон? Да, он был русским Дрюоном. Русский Дюма? Да, он был русским Дюма. Недаром же именно под них троих изначально создали знаменитую «макулатурную» серию — и только потом стыдливо вписали в нее Булгакова и других корифеев якобы высокой словесности.

Несколько сложнее обстоит дело с советским Алдановым. Самый популярный беллетрист первой волны эмиграции был не столько запрещен, сколько неизвестен в СССР. Валентин Пикуль в какой-то момент, угрожав на это дело все гонорары, купил в Риге неслыханный исторический архив. Архив был нетранспортируемым, и купить его пришлось вместе с домом, в котором Пикуль переехал и где сидел сиднем практически до самой смерти. Легенду в этой части подтверждают и немногочисленные апологеты писателя, и его бесчестные хулители. Да ведь и впрямь наличие таинственного архива с неизвестными документами — весомый контраргумент в споре с профессиональной наукой. Так сказать, засадный полк. Или туз в рукаве.

Но... фактически подтверждены лишь покупка дома и переезд в Ригу. Напротив, никаких исторических документов, ранее не известных, Пикуль в своих романах не обнаруживал (что, конечно, не исключает возможности размазывания неизвестной фактологии по беллетристической канве). В то же

реломной. Именно после этой публикации на Пикуля и обрушился либеральный террор, едва ли не первой жертвой которого он стал. На практике это сложилось в формулу «Пикуль — ужасный человек и ужасный писатель». Поскольку о вкусах не спорят, то утверждающих такое просили предъявить доказательства «человеческой ужасности» Пикуля. На это следовал ответ-разъяснение: «Он антисемит». А если вы, не удовлетворившись услышанным, задавали дополнительный вопрос: «Ну и что?», то тут же оказывались в антисемитах сами. Поэтому вы спрашивали иначе: «А в чем это выражается?». И тут вас отсылали к роману «У последней черты», одновременно, правда, рекомендуя «ни в коем случае не читать эту книгу».

Странно все же устроены либеральные мозги! В романе «У последней черты» не сказано ровным счетом ничего (и ни для кого) обидного, чего не было бы сказано у Солженицына в «Красном колесе». Разве что Пикуль оказался — тут уж куда не денешься — первооткрывателем темы. Какой темы? Нет, не пресловутой еврейской, хотя и ее в каком-то смысле, конечно, тоже. Темы причин падения империи, которая — не найдись этих причин — могла бы еще лет двести и простоять. Главной (в самооценке) солженицынской темы. Но они и те же люди жадно припадали к потрескивающим приемникам и слушали, восторженно слушали в авторском исполнении солженицынские главы об убийце Столыпина Богrove и плевались, буквально плевались при одном упоминании имени Пикуля. Но, по-

нятное дело, не только плевались: либеральный террор в годы застоя (когда он, как в наши дни, не являлся официозом) отличался особой казуистичностью и изощренностью. А Солженицына они понастоящему прочли (и тоже приобалдели или хотя бы приуныли) позже, уже у себя в «толстых» журналах, редакторами которых в смутное время успели стать.

Правда, Пикуль взял у Солженицына своеобразный реванш. Провал «Красного колеса» сперва в «толстых» журналах, а затем и в отдельном издании — провал, погасивший миллионные тиражи журналов и разоривший книжных издателей, — во многом объяснялся и массовой реакцией на «Красное колесо»: все, как у Пикуля, только гораздо скучнее. Реакцией неверной (у Солженицына скорее все, как у Деникина в «Очерках русской смуты»), но в высшей степени характерной.

Разумеется, «будучи изгнан из приличного общества» (в которое он, впрочем, никогда и не входил), Пикуль не был обречен на внутрилитературное одиночество: оставались писатели-патриоты, или, как их тогда называли, почвенники; и они раскрыли опальному (либералы меж тем ухитрились навлечь на Пикуля и официальную опалу — неискреннюю со стороны властей, но оттого ничуть не менее эффективную; в частности, книжное издание скандального по тогдашним меркам романа «У последней черты» было заблокировано) историографу подобающие объятия. Уже проживая в Риге, Пикуль поддерживал связи с питерскими писателями-патриотами из будущей областной организации, но главным образом они в одностороннем порядке использовали его и без того двусмысленное имя.

Позднее же, когда интерес к отечественной истории, разбуженный в массах прежде всего Пикулем, стал всеобщим, подошла пора перелицовки истории, и эта неблагодарная работа не прекращается по сей день. Уже работая над этой статьей, я включил телевизор и услышал анонс статьи из популярной газеты: генералы Корнилов и Деникин и адмирал Колчак рассматриваются там как апологеты демократической идеи. Показателен и пример с гибелью Гумилева: сперва мы ликую объявили, что большевики расстреляли его без вины, потому что ни в каком заговоре он не участвовал, а потом, ликую еще сильнее, провозгласили, что в заговоре он, конечно, участвовал, потому что как офицер, дворянин и порядочный человек не мог не бороться с большевизмом. Любей с легкостью наберет еще сотню примеров того же рода, начиная с трактовки образов самодержцев от Петра I до Николая II. Тенденциозность Пикуля (а он был, конечно, тенденциозным писателем) меркнет перед безответственными писаниями сегодняшних реформаторов от литературы, да и контрреформаторов тоже: его подтасовки выглядят столь же невинными, а истории, рассказываемые им, столь же занимательными, как у Дюма. Ну не без грязи и крови, конечно, — но уж такая у нас история.

Мне очень нравится такой казус: детский писатель из нашего города, сочинявший и издававший по дружбе с органами адаптированные для юношества жизнеописания «пламенных революционеров», сейчас с немалым успехом и энтузиазмом (а уж с кем он теперь дружит, сам Бог не ведаст) перелагает для юношества жития православных святых. Нравится отечественная история по Александру Яковлеву, особенно новейшая. Нравятся исторические штудии Виктора Суворова и апокалиптический проект пересмотра всемирной истории, предложенный математиками. Мир сошел с ума, и безумие разнообразно, а рано начавший и рано ушедший Валентин Пикуль предстает в сегодняшнем свете здравомыслящим, серьезным и занимательным историческим писателем, — предстает кривым, которого в царстве слепых по всем канонам следует провозгласить королем.

Санкт-Петербург

Пикуль
Валентин

16.07.98